72
А38

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Академия наук в истории культуры России XVIII–XX веков

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»

СА-311289

Академия наук в истории культуры России XVIII–XX веков

Ответственный редактор
академик РАН Ж. И. Алфёров

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2010

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
"ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. Н.К. КРУПСКОЙ"

Переписка В. И. Даля с академиком Ф. Ф. Брандтом

Г. П. МАТВИЕВСКАЯ

Выдающийся писатель Владимир Иванович Даль (1801—1872), прославившийся как лингвист, этнограф, автор «Толкового словаря живого великорусского языка», пользовался в свое время не меньшей известностью и в других отраслях науки. Человек, одаренный многими талантами и огромной любознательностью, он проявил себя как зоолог и натуралист широкого профиля, как врач и теоретик медицины, много размышлявший над проблемами врачебного искусства, как востоковед-тюрколог, как инженер с недюжинными теоретическими познаниями, которые получил во время обучения в Морском корпусе.

По присущей ему скромности сам В. И. Даль о своих научных заслугах говорил мало. Лишь в преклонном возрасте, откликнувшись на просьбу академика Я. К. Грота, он перечислил полученные им звания: «Академия наук сделала меня членом-корреспондентом… по естественным наукам, а во время соединения Академий меня, без ведома моего, перечислили во 2-е Отделение. Общество любителей Российской словесности в Москве выбрало меня членом в 1857 году, а в почетные в 1868; Общество истории и древностей действительные члены — в 1863; Академия [наук] в почетные в 1865 или не помню; Русского географического Общества состою членом учредителем, нас всего было 12. Оно присудило мне за словарь Константиновскую медаль. — Сам испугался учености своей, переписав все почеты эти… Для чего вам все это, право не понимаю… Судите дело, а личность откиньте, что мне до нее?»[1]

Наибольший интерес у В. И. Даля вызывало естествознание. Отслужив шесть лет на флоте, он в 1826 г. поступил в Дерптский университет и закончил его со специальностью хирурга и дипломом доктора медицины. В университете он получил полноценное биологическое образование и даже подумывал о профессии биолога. Однако ему пришлось стать практическим врачом и пройти трудный путь военного хирурга во время турецкой войны 1828—1829 гг. и польской кампании 1831 г. Затем В. И. Даль продолжил врачебную деятельность в Петербурге, где прославился блестящими офтальмологическими операциями. Возможность заняться научными исследованиями

© Г. П. Матвиевская, 2010

В. И. Даль (1801—1882),
член-корреспондент Академии наук.

у него появилась после того, как в 1833 г. он оставил медицинскую практику, чтобы стать чиновником особых поручений при оренбургском военном губернаторе В. А. Перовском (1796—1857), только что назначенном на этот пост. Восемь лет, проведенные вместе с ним в Оренбурге, сыграли важнейшую роль в творческой биографии Даля-ученого.[2]

Обширный Оренбургский край, которым предстояло управлять Перовскому, в то время оставался почти неизученным, но вызывал интерес своими огромными природными богатствами. На них обратил внимание знаменитый немецкий ученый Александр Гумбольдт (1769—1859), который в 1829 г. совершил научное путешествие по Уралу и Сибири.

В. А. Перовский поставил задачу всестороннего изучения Оренбургского края, который, по его словам, представлял для России «двоякую важность: как источник богатств, еще мало исчерпанных, и как оплот и опорная точка для влияния на племена, некогда обуревавшие Европу своими вторжениями».[3] Пограничное положение края заставляло обратить пристальное внимание и на изучение соседнего региона — зауральских степей, берегов и прибрежных областей Каспийского и Аральского морей. Следовало также составить по возможности точное представление о среднеазиатских ханствах, с которыми Россию связывали прочные торговые и непростые политические отношения.

В. И. Даль в силу своих служебных обязанностей должен был играть видную роль при решении этих задач, что вполне соответствовало его ин-

тересам. Он не только занимался организацией научных исследований, но и принимал в них непосредственное участие. Во время деловых поездок по Оренбургскому краю В. И. Даль собирал пословицы и поговорки, записывал слова и местные выражения, пополняя материал для своего будущего монументального труда — «Толкового словаря живого великорусского языка», замысел которого созрел у него в Оренбурге. Наблюдения над жизнью представителей разных народов, населяющих край, послужили основой для серьезных этнографических исследований, продолженных В. И. Далем позднее в Русском географическом обществе, одним из учредителей которого он стал в 1845 г. Эти же наблюдения отразились в его художественных произведениях и очерках, в которых использованы легенды, народные обычаи и верования.

В Оренбурге В. И. Даль заинтересовался востоковедением и сделал в этой области науки немалые успехи. Ему приходилось по делам службы постоянно общаться с казахами (в то время их называли киргизами), находившимися в российском подданстве, и с представителями Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств, вникать в политику этих государств и соотносить ее с интересами России. Он записывал рассказы среднеазиатских купцов, привозивших товары в Оренбург, и россиян, которые бежали из Хивы и Бухары, где они, похищенные и проданные в рабство, томились в тяжкой неволе.

Даль изучал фольклор и этнографию татар, башкир, казахов. Он знал татарский язык и овладел им настолько, что перевел на русский две народные легенды и опубликовал переводы в петербургских печатных изданиях.[4] В своих работах он сравнивал между собой различные тюркские языки, разъяснял значение отдельных тюркских слов и оборотов. Имеются все основания причислить Даля к первым русским лингвистам-тюркологам.[5]

Служба в Оренбурге имела огромное значение для развития интереса Даля к естественным наукам. Он познакомился с природой края во всем ее удивительном разнообразии — от горных районов Башкирии до безводных зауральских степей. Будучи страстным охотником, он хорошо изучил животный мир региона и так усовершенствовал свои познания в зоологии, что был признан профессионалом в этой области и в 1838 г. избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук по естественному отделению.[6]

Много внимания В. И. Даль уделил проблеме изучения Аральского моря и его окрестностей, которой в первой половине XIX в. живо интересовались русские ученые. Его очерки («Арал», «О барсах и тиграх Приаралья» и др.) печатались в столичных газетах и в «Энциклопедическом лексиконе» А. А. Плюшара.[7] Вместе с В. А. Перовским он занимался подготовкой академической экспедиции к северо-восточным берегам Аральского моря, которая не состоялась из-за военного похода на Хиву зимой 1839/40 г.[8] По поводу Аральской экспедиции с В. И. Далем вел переписку академик К. М. Бэр.[9]

Глубокие познания Даля-натуралиста проявились в работе над изданием замечательного сочинения Э. А. Эверсмана «Естественная история Оренбургского края», написанного по предложению В. А. Перовского. Первая часть этого труда, «Вступление в подробную естественную историю Оренбургской губернии», была издана в Оренбурге в 1840 г.[10] Перевел ее с немецкого оригинала на русский язык В. И. Даль. В примечаниях, которыми снабжен перевод,

он проявил себя как тонкий наблюдатель и глубокий знаток природы края — лесистых и горных уральских районов и степи по левому берегу р. Урал до Каспийского и Аральского морей.

После отъезда в 1841 г. в Петербург В. И. Даль не оставил занятий естественными науками. Итогом работы в оренбургский период жизни стали его учебники ботаники и зоологии для военно-учебных заведений. В 1847 г. была опубликована «Зоология», написанная им в соавторстве с известным педагогом и натуралистом А. Ф. Постельсом и художником А. П. Сапожниковым, который составил атлас к учебнику; второе издание книги вышло в 1852 г. Другой учебник — «Ботаника» В. И. Даля, опубликованный в 1848 г., был переиздан в 1851 г. У современников эти сочинения получили признание. П. И. Мельников-Печерский писал: «По вызову главного начальства над военно-учебными заведениями он написал превосходные учебники ботаники и зоологии. Они высоко ценились и естествоиспытателями, и педагогами, но когда в наших гимназиях ввели преподавание естественной истории, учебники Даля почему-то обошли, предпочитая жалкие руководства, которыми неумелые педагоги набивали мальчикам головы».[11]

В 1844 г. В. И. Даль опубликовал под общим названием «Зверинец» серию научно-популярных рассказов о нравах и быте животных («Медведь», «Волк», «Лиса», «Верблюд» и др.),[12] в которых отразились результаты его собственных наблюдений, сделанных в Оренбургском крае.

О научной деятельности В. И. Даля в Оренбурге, помимо его опубликованных работ, свидетельствуют документы, хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук (ПФА РАН), — протоколы Конференции императорской Петербургской Академии наук и его переписка с академиком Ф. Ф. Брандтом.

Федор Федорович Брандт (Brandt Johann Friedrich, 1802—1879) учился, а затем преподавал в Берлинском университете, где в 1826 г. получил степень доктора медицины и продолжал успешно заниматься научными исследованиями.[13] Когда в 1830—1831 гг. Петербургская Академия наук решила создать — на базе зоологических коллекций основанной в 1727 г. Кунсткамеры — самостоятельный Зоологический музей, Ф. Ф. Брандта пригласили стать его директором. Молодой ученый, избранный по рекомендации А. Гумбольдта и К. Рудольфа в адъюнкты Академии, прибыл в Петербург в августе 1831 г. и энергично взялся за устройство музея. Уже через год он смог доложить Конференции Академии наук о готовности к открытию трех музейных залов. Под руководством Ф. Ф. Брандта, занимавшего пост директора до конца своей жизни, Зоологический музей стал одним из богатейших естественно-научных музеев мира и крупным центром научных исследований в области зоологии.[14]

С самого начала Ф. Ф. Брандт считал своей важнейшей задачей пополнение музейных коллекций новыми экспонатами. С этой целью он старался завязать дружеские отношения с провинциальными натуралистами-любителями, которые были готовы прислать ему экземпляры редких животных.

В 1832 г. им была организована рассылка в разные области печатного текста на русском и немецком языках с призывом помочь музею и «инструкцией для собирания предметов зоологии». В послании говорилось: «Императорская Академия наук, имея в виду пополнить свои коллекции особенно водящи-

мися в России животными и красивыми образчиками оных, вызывает всех отечественных любителей науки содействовать ей в достижении сей цели. Для Зоологического ее Музеума потребно по крайней мере по два образчика каждой породы зверей или их чучел. Желательно, чтобы при присылке оных было обозначено туземное их название. Получение предметов естественной истории, равно как и имя приславшего их, будут объявлены в ведомостях. Также над каждым выставленным в Музеуме зверем имеет быть означено имя доставившего его».

Как свидетельствуют документы Государственного архива Оренбургской области (ГАОО), это воззвание 23 марта 1832 г. поступило к оренбургскому военному губернатору П. П. Сухтелену (1788—1833) вместе со списком животных, обитающих в Оренбургском крае и особенно интересных Зоологическому музею.[15] В нем, в частности, значились степная кошка, гепард, лиса-караганка, сайга, дикий баран. К обращению Академии наук в Оренбурге отнеслись со своей серьезностью, и соответствующие поручения были даны чиновникам, имевшим возможность выполнить ее просьбу.

Так, известный оренбургский натуралист Г. С. Карелин (1801—1872), который с 1828 г. являлся членом Московского общества испытателей природы, а в 1832 г. собирался в экспедицию к северо-восточным берегам Каспийского моря, получил следующее предписание: «Оренбургский военный губернатор, генерал-адъютант Сухтелен 2-й при сем честь имеет препроводить к Его Благородию Григорию Силовичу реестр некоторых зверей Оренбургского края и печатное наставление, доставленное к нему президентом Академии наук, с просьбой постараться приобрести для сей Академии означенных в реестре зверей. Граф Сухтелен со своей стороны почтет особенным одолжением, если по случаю предстоящей экспедиции к восточным берегам Каспийского моря Его Благородие Григорий Силович между прочими предметами и сего из виду не упустит».

Г. С. Карелину удалось выполнить поручение: в 1835 г. он передал в Зоологический музей через Азиатский департамент «7 шкур млекопитающих и ящик с птичьими шкурками с восточных берегов Каспийского моря».

Такое же предписание было дано председателю Оренбургской пограничной комиссии Г. Ф. Генсу (1787—1845), который по своей должности постоянно общался с казахами. П. П. Сухтелен просил его «употребить старание» к приобретению нужных животных и обратиться для того «посредством переписки» к казахским султанам-правителям или дать задание чиновникам, отправляющимся в степь по особым поручениям. По-видимому, результатов это не дало. Уже при новом военном губернаторе В. А. Перовском 22 февраля 1835 г. Г. Ф. Генса запрашивали, «приобретено ли сколько-нибудь из означенного списка».

Таким образом, фауна Оренбургского края представляла для Ф. Ф. Брандта несомненный интерес. Поэтому его не могло не обрадовать обращение В. А. Перовского помочь организовать Оренбургский естественно-исторический музей.

К приезду Перовского в Оренбурге уже действовал краеведческий музей при Неплюевском военном училище, созданный П. П. Сухтеленом. Он носил название «Музеум для сосредоточения всяких предметов, служить могущих к вящему развитию понятий юношества и к общей пользе распространения

наук, особенно в Оренбургской губернии».[16] Однако в 1835 г. он перешел в ведомство военно-учебных заведений, и Перовский решил устроить новый «Музеум естественных произведений Оренбургского края» с зоологическим отделом, задуманным как его основная часть. Осуществить этот план предстояло В. И. Далю.

Первое затруднение, с которым пришлось столкнуться, заключалось в отсутствии квалифицированных чучельников. Это вызвало серьезное беспокойство, так как при проверке зоологической коллекции музея Неплюевского военного училища выяснилось, что многие чучела птиц «сделаны дурно и частично попортились». Было решено обратиться в Зоологический музей Петербургской Академии наук с просьбой подготовить для Оренбурга специалистов в нелегком чучельном искусстве из казачьих малолетков. Так назывались дети оренбургских казаков от 15 до 18 лет, еще в казаки не зачисленные, но уже несущие военную службу.

Зимой 1836/37 г., находясь вместе с В. И. Далем в долгосрочной командировке в столице, В. А. Перовский познакомился с Ф. Ф. Брандтом и заключил с ним взаимовыгодное соглашение. Об этом мы узнаем из письма Перовского к Брандту, которое написано в Петербурге 2 февраля 1837 г. и находится среди документов архивного дела ГАОО, озаглавленного «Об обучении в Петербурге четырех казачьих мальчиков Оренбургского войска учебному искусству, об отпуске им в Оренбурге жалования и о содержании музея».[17]

В письме говорится: «Милостивый государь, пользуясь расположением Вашим и словесным изъясненным согласием принять на себя труд обучить несколько малолетков казачьему искусству сымать, сохранять и набивать кожи птиц и зверей, отнесся я уже в Оренбург о высылке сюда четырех человек на Ваше, милостивый государь, имя. На содержание учеников заблаговременно отпускаемо будет до 500 рублей в год за каждого. Но я прошу Вас покорнейше отправить обратно в Оренбург двух из учеников этих чем скорее, тем лучше, обучив их только сымать надлежащим образом и сберегать шкуры. Остальных двух, более способных, оставить у себя, если это возможно, на более продолжительное время для обучения их искусству набивать зверей и птиц».[18]

Письмо кончается словами: «Надеюсь, что Вы, милостивый государь, возьмете на себя труд этот собственно в пользу и для распространения наука Вашей. Надеюсь со временем благодарить Вас на деле доставлением в музей Ваш зверей и птиц, свойственных Оренбургскому краю». Это обязательство особо отмечено в протоколе заседания Конференции Академии наук от 3 февраля, на котором обсуждалось предложение Перовского.[19]

В архивном деле ГАОО приведенному выше письму предшествует черновик, написанный рукой В. И. Даля. Из него видно, что в начале речь шла о трех учениках, которых следовало вскоре возвратить в Оренбург, и только об одном, остающемся у Брандта для более основательного обучения. Рукой Даля написаны также отправленные в Оренбург распоряжения, которые военный губернатор дал командующему оренбургским казачьим войском генерал-майору Н. В. Шуцкому и начальнику штаба Отдельного Оренбургского корпуса генерал-майору П. И. Рокасовскому.[20] В письме Шуцкому говорится: «Имея в виду основать в Оренбурге собрание всех местных произ-

ведений природы для учебных пособий по естественным наукам, прошу Ваше превосходительство выбрать четырех здоровых, расторопных и грамотных малолетков казачьих от 14-ти до 16-ти лет и отправить их немедленно при надежном уряднике сюда в Петербург». Рокасовского губернатор просил «озаботиться для скорейшей отправки малолетков этих, дабы они могли быть употреблены сего же лета в дело», т. е. умели бы «собирать и сохранить предметы естественной истории, в особенности из царства животных». Предполагалось, что два из четырех молодых чучельников примут участие в Аральской экспедиции, планировавшейся вначале на 1838 г.

3 февраля, как сообщал в своем рапорте Щуцкой, в Петербург под присмотром урядника Федурова были отправлены «четыре здоровых, расторопных и грамотных мальчика» — Иван Мелихов, Павел Волженцов, Степан Лысов и Андрей Скорняков. Трем первым, уроженцам станицы Чернореченской, было по 16 лет, а оренбургскому жителю Скорнякову — 14.[21] Тогда же об отправке учеников командующий оренбургским казачьим войском оповестил Ф. Ф. Брандта.[22]

В столицу казачьи малолетки прибыли до отъезда оттуда военного губернатора, так как следующий документ свидетельствует, что урядник Федуров возвращался в Оренбург вместе с ним весной 1837 г. Наставником мальчиков стал приглашенный в Зоологический музей из Германии препаратор Е. И. Шрадер, занявший должность консерватора музея.

В Оренбурге В. А. Перовский передал все дела по организации музея и наблюдению за ходом обучения чучельников В. И. Далю. Об этом свидетельствует цитированное выше архивное дело из ГАОО. Его изучали в начале XX в. два известных оренбургских краеведа — П. Н. Столпянский (1903) и Н. Н. Модестов (1913), которые пришли к противоположным выводам относительно роли В. И. Даля в деле создания «Музеума естественных произведений Оренбургского края». Первый, приписывая ему все заслуги, утверждал: «Он бесспорно пробудил в графе В. А. Перовском интерес к местной природе и указал, какую пользу можно извлечь. Край неизвестен — нужно изучить его, а для изучения необходимо основать местный Оренбургский музей. В. А. Перовский согласился с В. И. Далем и по мысли последнего обратился в Петербург в Академию наук к академику Ф. Ф. Брандту, не возьмется ли последний обучить казачьих мальчиков искусству набивания чучел».[23]

По мнению же Н. Н. Модестова, «Даль играл гораздо более скромную роль, чем та, которую отмечает в своей статье г. Столпянский». Он считал, что рассмотренные документы «не дают нам никакого права предполагать, что инициатива устройства зоологического музея в Оренбурге принадлежала всецело Далю», так как его участие «было тесно связано с его служебными обязанностями как чиновника особых поручений» и он был «только верным и точным исполнителем приказаний оренбургского военного губернатора».[24]

Очевидно, что документов из упомянутого архивного дела недостаточно, чтобы составить полное представление об обстоятельствах создания «Музеума естественных произведений Оренбургского края».

Обнаруженные в ГАОО, ПФА РАН и в Рукописном отделе Пушкинского Дома (Институт русского языка и литературы РАН) дополнительные материалы, и прежде всего переписка В. И. Даля с Ф. Ф. Брандтом, позволяют

выяснить этот вопрос. В ПФА РАН находятся девять писем Даля к Брандту за 1837—1839 гг., а в Пушкинском Доме — четыре письма Брандта к нему. Все они — на немецком языке.

Первое письмо В. И. Даль написал Ф. Ф. Брандту в Оренбурге 1 сентября 1837 г. на бумаге с изображением Авзяно-Петровского завода в Башкирии.[25] Оно сопровождало посылку с шкурами диких зверей и птиц, которые он отправил в Зоологический музей. Даль писал, что за это время ему удалось собрать совсем немного шкур, но он решил отослать их поскорее, чтобы уберечь от моли. «Думаю, — пишет он, — лучше, если я пошлю это Вам, как бы мало его ни было; пригодится что-нибудь, хорошо, нет — тогда ведь оно может быть столь же успешно сожрано дворцовой молью, как здесь нецивилизованной».

Кроме того, Даль замечает: «Я также не хотел пропустить первой представившейся мне возможности принести мою преданнейшую благодарность за Вашу благосклонную дружбу и прием, поскольку сейчас у меня есть приличный повод послать Вам несколько строчек. Если я когда-нибудь буду в Петербурге, заранее прошу разрешить мне получить возможность продолжать столь ценное знакомство». Отсюда ясно, что в столице Даль лишь мельком встречался с академиком и надеялся на развитие отношений в будущем.

Далее следует описание зверей и птиц, шкуры которых Даль посылает Брандту. Прежде всего речь идет о странного вида волке, каких раньше никому видеть не приходилось. «Он убит, — пишет Даль, — в Бирском уезде, в нашей губернии, вместе с двумя волками, с которыми он приблизился к башкирской деревне; Вы увидите, в чем причина того, что мы могли принять его за быка, осла, лошадь, но не за волка». По мнению Даля, это «какой-то выродок, игра ветреной природы».

Затем Даль упоминает трехпалую куропатку, местное название которой — горная куропатка. Отправляя пару этих птиц, происходящих «из окрестностей Горской крепости, у Индерского озера, в степи между Уральском и Гурьевым», он просит передать их доктору Ранку. «Если, однако, они могут понадобиться Вам, — замечает он, — то это меня обрадует и я вскоре заменю их упомянутому доктору другой парой».

«Далее следует, — продолжает Даль, — два экземпляра дрофы (Otis), название которой я охотно узнал бы. Не удивляйтесь, что я спрашиваю об этом, тогда как не знаю еще много другого и о том не спрашиваю. Но здесь меня гложет любопытство, поскольку я думаю, не есть ли это не известный до сих пор вид. Здесь она носит название **малая драхва** или **мотыль** и почти никогда не встречается севернее, чем примерно 60 верст от Гурьева к Каспийскому морю… Осенью они гуляют, копаясь в земле, по 50—100 голов».

В шутливом тоне Даль описывает белую цаплю, каких, по его мнению, у Брандта имеется много (но эта «путешественница, прибыла прямо с Каспийского моря»), «малютку, которая также представляет цаплю или, может быть, тростниковую выпь» («я нашел ее в Уральске и устроил ей прогулку в столицу»), а также «несколько длинно- и коротконогих бегунов по тропинке, канатных плясунов — гостей из маленьких болот у Калмыковской крепости, между Уральском и Гурьевым».

Обстоятельно описана «черная, как смоль, утка-малютка, какой мы своими глазами еще не видели; тип негритянского раба. Она была ранена на со-

колиной охоте здесь, в Оренбурге, но, как сказано, обычно здесь не водится и, очевидно, попала как путешественница по злой шутке проводника. Вы не должны ставить ей в вину, что она, как лунный житель, носит свою голову в кармане — ведь если это стоит труда, г. Шрадер посадит его голову на место. Я посылаю ее только потому, что она уже есть».

Даль просит передать академику Г. И. Гессу, что выполнил его просьбу: выторговал за 150 р. «сравнительно хорошую» киргизскую кибитку. «Но она будет куплена только тогда, — добавляет он, — когда я получу для этого четкое задание, потому что вещь вместе с перевозкой будет ведь довольно дорогой».

Даль упоминает также о результатах экспедиции Г. С. Карелина по Каспийскому морю, предпринятой в 1836 г.: «Вероятно, Вы уже знаете подробнее и обстоятельнее, чем мы здесь, что Карелин во время своей последней экспедиции открыл в заливе Карабугаз водоворот, который очень сильно втягивает воду в бездну и несет ее под дном к Черному морю. Это было бы очень важное открытие».

В заключение Даль сообщает, что «господин начальник отправил в Петербург 15 ящиков с птичьими шкурами», и добавляет, что тем самым «академический музей получит хороший прирост».

Ф. Ф. Брандт зачитал письмо В. И. Даля на заседании академической Конференции 6 октября 1838 г. В протоколе значится, что ему было поручено выразить от имени Академии благодарность за посылку, в которой находились шкура волка, убитого в одном из уездов Оренбургской губернии, замечательного по необыкновенной масти, и 12 шкур разных птиц.[26]

Ответное письмо Ф. Ф. Брандта датировано 10 ноября 1837 г.[27] В нем академик задал вопрос о двух молодых чучельниках, которые, пройдя начальный курс обучения, должны были вернуться домой. Он хотел знать, каким способом предполагается переправить их в Оренбург. Кроме того, он писал о животных, обитающих в Оренбургском крае, и окаменелостях, которые представляли интерес для Зоологического музея.

Отклика на свое письмо Ф. Ф. Брандт не получал долго. В. И. Даль написал ему только 23 марта 1838 г.[28] Извинившись за то, что не ответил на запрос о казачьих мальчиках, он объяснил это переменой планов относительно Аральской экспедиции, в которой они должны были участвовать.

Задуманная Перовским научно-исследовательская экспедиция к Аральскому морю вначале планировалась на март 1838 г., но в январе из-за напряженных отношений с Хивой была перенесена на весну 1839 г. Даль признается, что после этого он забыл о мальчиках «за другими делами, которыми в последние месяцы изрядно был завален. Я имею честь, — продолжает он, — от имени нашего г. губернатора, который хотел написать Вам сам, принести искреннюю благодарность за Ваши и г. Шрадера усилия и сообщить Вам, что башкирскому офицеру, который сейчас находится в Петербурге, поручено явиться к Вам и принять обоих мальчиков. Все, что я затем здесь для них смогу сделать, будет сделано».

Действительно, В. А. Перовский в письме, посланном тогда же,[29] просил Ф. Ф. Брандта передать двух чучельников, «обученных только сымать надлежащим образом и сберегать шкуры», командированному в столицу хорунжему Султанову, который доставит их в Оренбург. К письму сделана

приписка: «Прилагаемые при сем сто рублей не оставьте раздать всем четырем ученикам по Вашему усмотрению».

В. И. Даль, продолжая свое письмо, переходит к просьбам Ф. Ф. Брандта. Относительно окаменелостей он видит «мало перспективы и надежды», потому что «о рыбах и т.д. здесь только рассказывают, что какие-то когда-то были найдены»; «я сам никогда не видел, и их нет в здешних коллекциях, по крайней мере насколько я знаю». Он сообщает, что сделал соответствующие заказы на горных заводах.

Вторая просьба Брандта касалась голов сайги и некоторых амфибий. Даль пишет, что необходимое тоже уже сделано. «Только огромные расстояния, — объясняет он, — и еще более недостаток людей, которые послушно исполнили бы что-то подобное, затрудняют дело. Когда наши мальчики будут наконец здесь, тогда, я надеюсь, это должно пойти легче. Сайгу получить до июля или августа трудно».

Нужно заметить, что это оказалось возможным, и уже 8 июня 1838 г.[30] В. И. Даль направил в Академию наук следующее сообщение: «По требованию г. академика Брандта имею честь представить Императорской Академии две головы саги, самца и самки. Посылаемые при сем головы принадлежат породе сайгаков, известной в степи под именем ак-куйрук (белохвостик); порода кара-куйрук (чернохвостики) поблизости от Оренбурга не водится, но, впрочем, если г. академик Брандт желает иметь также головы сей последней породы, то я могу достать их с Усть-Урта, где Ново-Александровское укрепление. Надворный советник Даль».

Продолжая письмо от 23 марта того же года, Даль рассказывает о подготовке Аральской экспедиции, у которой, по его мнению, «есть шанс». Он пишет: «Здесь все собрано в дорогу. Между прочим, я построил две большие лодки, которые следует одну за другой разобрать и транспортировать; они также должны быть взяты с собой. Каждая лодка имеет примерно 35 футов длины, 12 весел и парус. Короче, за приготовлениями дело не станет, если только хивинцы не устроят штуки и еще дольше не задержат пленных, или дело затянут или отложат. Последнее, однако, невозможно; напротив, мы надеемся довольно надежно закончить все летом 1838 года».

В. И. Даль, как оказалось, сильно ошибался. Внешнеполитическая обстановка продолжала ухудшаться, и Аральская экспедиция была опять перенесена сначала на осень 1839 г., затем из-за военного похода на Хиву — на весну 1840 г., а потом и вовсе была отменена.

В конце своего письма В. И. Даль описывает шкуры животных, которые ему удалось приобрести для Зоологического музея. Это — полученная из степи шкура дикой лошади, но «к сожалению, она в таком состоянии, что о набивке чучела нельзя и думать; лучшее у нее — ноги, хвост и морда». «Совершенно особенным» представляется Далю голубой волк. Он пишет: «По крайней мере по цвету можно судить, что это другой вид, чем тот, который я Вам доставил, — с очень выделяющимися черно-коричневыми полосами вдоль всей спины по длине, у головы и шеи черные и шириной только ¼ дюйма, за поясницей — коричневые и шириной 2.5 дюйма, кончающиеся острием к хвосту. Затем по обоим бокам, по длине идет совсем светлая желтая полоса, которая переходит в красно-коричневую и по всему низу, шее, ногам, брюху и т. д. теряется в серо-бело-желтом. Уши длинные, черные, заостренные;

гривы совсем нет, должен быть короткий хвост с пучком. Длина шкуры, от морды до задней ноги, 3 аршина 2 вершка».

«Я получил также, — продолжает Даль, — несколько шкур диких кошек того же вида, какие я доставил г. Фишеру в Москву, но также достаточно изуродованных. Со следующей почтой Вы должны получить их, однако с условием, что Вы не примете их за обычных домашних кошек, иначе оставлю их за собой».

Среди посылаемых Далем звериных шкур было много волчьих. Он пишет: «Новыми являются еще 5—6 волков с того же места, что и мой, убитый близ Уфы. Здесь считают, что это — сибирская собака, которая используется для езды, заблудившаяся каким-то образом на охоте и одичавшая. Нужны ли Вам мех или шкуры их, пары метисов, помесей волка и собаки. У нас на Уральской линии есть несколько, — я их видел, — происходят от волка, который был выращен и заперт с сукой».

Затем Даль просит передать поклон всем, кто хочет его вспомнить, особенно академику Гессу, и добавляет: «Не обижайтесь на мою несвязную мазню: мне трудно писать по-немецки, я к этому слишком непривычен. Пальцы становятся деревянными, голова — глупой». В приписке на полях он задает вопрос: «Получили ли Вы все же мою вторую посылку с трехпалыми куропатками и черными жаворонками?»

Следующее письмо В. И. Даля академику Ф. Ф. Брандту датировано 1 мая 1838 г.[31] Почтовая бумага украшена рисунком «Илецкая защита Оренбургской губернии». Художник изобразил соленое озеро и Гипсовую гору с замком на ней. В P. S. Даль замечает по этому поводу: «И на нашей почтовой бумаге есть ландшафты и перспективы! Если и некрасивые, то черные!».

«Высокочтимый господин академик, — пишет Даль, — хотя я Вашему благородию могу сообщить немного и ничего нового, считаю, однако, своим долгом ответить на Ваше письмо от 12 апреля, чтобы не дать Вам во второй раз никакого повода для сомнений. Господин губернатор совершенно согласен, чтобы посылаемым сюда мальчикам дать в дорогу поручения с надлежащими указаниями, и мы позаботимся, чтобы они получили также вещи».

Речь идет о двух чучельниках, которые, наконец, собрались уезжать из Петербурга домой. С одним из них Брандт передал письмо к Н. В. Щуцкому,[32] в котором писал: «Что касается успехов казачьих малолетков, находящихся под руководством и надзором консерватора Зоологического музея г. Шрадера, то все теперь весьма хорошо знают препарацию в приготовлении и сохранении естественных предметов». Он сообщал, что в Оренбург отправляются Иван Мелихов и Павел Волженцов, и не преминул отметить: «О них я уже давно и неоднократно писал г. доктору Далю — каким бы способом препроводить их обратно — но ни на одно письмо не получил ответа». По мнению академика, «другие двое — Андрей Скорняков и Степан Лысов — проявляют отличные способности в препарации (отделывании) естественных предметов; сии, по воле г. генерал-губернатора Перовского, для изучения полного курса оставлены еще на один год».

Продолжая письмо, В. И. Даль переходит к обсуждению посылок Ф. Ф. Брандту, из которых одна, по всей видимости, по назначению не дошла. «Меня очень удивило и было неприятной неожиданностью узнать, что Вы не получили моих прекрасных трехпалых куропаток и черных жаворонков.

Я отправил Вам уже три посылки, которые содержали хотя и не много, но столько же следовало получить; первая, где был волк или собака; вторая, куда было вложено около десятка трехпалых куропаток и двадцать с лишком черных жаворонков; третья, где находились две кошачьи шкуры и шкура белой совы. Пакеты были адресованы прямо в Академию. Вторая посылка ушла примерно в декабре. Не могли ли бы Вы приказать справиться точнее на почте или также в Академии?

Сейчас я посылаю Вам шкуру лошади и прошу лишь при случае сообщить, что это такое, а также за что следует принимать прошлые экземпляры. Я надеюсь этой осенью приобрести еще несколько лучше сохранившихся лошадиных шкур, которые Вы получите. Но что представляет собой кошка? Не трудитесь писать мне из-за этих вопросов, которые я как профан ставлю только из-за любопытства; но если Вы со временем сделаете мне честь несколькими строчками, то я ожидаю, чтобы моя просьба была услышана.

Г. губернатор этой зимой отправил г. Фишеру (ботанику) пару замороженных тюленей с Каспийского моря, которых я доставил сюда из Гурьева. Не знаете ли Вы, дошли ли звери? Вы их увидите — это те самые, которые встречаются и в других местах.

Относительно сайги и окаменелых рыб я сделал все, что мог, только до сих пор напрасно. В Урале (реке) найдено ребро примерно в 1.5 аршина или больше, где приклеились волосы или шерсть зверей, — поскольку это только одна кость, то она, вероятно, не важна».

Далее в письме говорится о старании выполнить просьбу академика К. М. Бэра, которого интересовала икра осетровых рыб. «Господин академик Бэр, — пишет Даль, — просит меня о точных сведениях, можно ли здесь и где именно найти осетровую икру. Как только у меня появятся необходимые заметки, я без задержки отвечу. Я написал об этом в Уральск и Гурьев. Насколько я, однако, знаю, сейчас казаки считают, что икру никогда не находят, поскольку она тонет, и что в Урале в неустановленное время ни за какую цену не рыбачат, а иначе плавают в реке. Однако я посмотрю, что можно сделать. Конечно, будет предпринято все, что возможно, а в случае необходимости г. губернатор не откажется использовать свое влияние. На Волге же из-за ширины и глубины реки — из-за огромного объема и далеко немалого количества мешающих — что-нибудь предпринять еще труднее. Ну, посмотрим!».

Свое обещание В. И. Даль выполнил. Об этом свидетельствует его официальное письмо в Академию наук от 31 мая 1838 г. из Оренбурга[33] с сообщением об отправке («вследствие требования академика Бэра») заметанной осетровой и севрюжной икры, собранной в низовьях р. Урал.

В конце письма к Ф. Ф. Брандту В. И. Даль еще раз выражает сожаление о пропаже посылки: «Но мне жаль моих трехпалых куропаток и черных жаворонков! До поздней осени или начала зимы других не найдется». Завершается письмо словами: «Итак, я имею честь откланяться перед Вашим высокоблагородием с уверением, что я всегда готов оказывать мои небольшие услуги и чувствую себя счастливым, если могу доставить хотя бы на волосок материала для Вашей прекрасной работы».

Далее следует очень интересная приписка: «P. S. Эверсман написал по приглашению нашего губернатора „Естественную историю Оренбургской губернии“, включая степи и т. д. Первая часть, общее обозрение природы, гото-

ва, и я получил поручение сделать ее перевод. Как только Эверсман вернется из-за границы, мой перевод будет ему представлен». Отсюда видно, что В. И. Даль закончил перевод и комментарии к первой части труда Э. А. Эверсмана уже весной 1838 г.

Заключительные строчки приписки касаются еще одного пожелания Ф. Ф. Брандта: «Амфибиями наша область очень бедна, поэтому я не думаю, чтобы Вы получили отсюда что-нибудь значительное. Болот у нас нет совсем, болотные птицы следуют мимо».

Следующее письмо В. И. Даль написал Брандту 2 июля 1838 г.,[34] в самое трудное для себя время — сразу после смерти жены, Юлии Егоровны. Оно совсем короткое и содержит ответ на вопросы академика, поставленные в его письме от 17 июня: речь шла о финансовых расчетах за обучение чучельников. Даль напоминает, что, стремясь избежать малейших недоразумений, Перовский хотел сразу заключить договор, но считает справедливым желание Шрадера получать дополнительную плату за свои труды. «Не знаю, — пишет он, — не ошибся ли я в расчете: Вы упоминаете сумму 700 руб. Поэтому я на всякий случай условился с губернатором о 800 рублях».

Действительно, 2 августа 1838 г. В. А. Перовский писал Ф. Ф. Брандту: «Милостивый государь Федор Федорович! Состоящий при мне чиновник по особым поручениям Даль довел до сведения моего об отзыве Вашем, что казачьи малолетки по прибытии в столицу были вновь одеты, и как двое из них пробыли на пять месяцев долее предусмотренного, то на содержание их и одежду израсходовано 280 руб. А сверх того состоящий при Академии художник Шрадер выговаривал себе за обучение малолетков по 125 руб. за каждого в год».[35] В связи с этим в Академию препровождалось 800 р. ассигнациями.

Затем Даль сообщает: «Два Ваших воспитанника уже прибыли и пока отпущены домой; увидим, что дальше можно будет сделать. Я хочу заботиться о них». После этого он сразу завершает письмо словами: «Простите мне мою несобранную мазню — несчастье, которое меня глубоко поразило, является причиной того, что я, действительно, неспособен написать сейчас что-то порядочное. Я похоронил мою супругу (Jch habe meine Gattin zu Erde getragen)».

После подписи («С совершенным почтением Ваш преданный В. Даль») он сделал приписку: «P. S. Могу ли я покорно попросить, если Вы увидите академика Бэра, уверить его, что я как можно скорее дам обстоятельный и определенный ответ на все поставленные мне вопросы. Я должен предварительно навести справки».

Обстоятельные и определенные ответы на вопросы обоих академиков В. И. Даль дал 8 октября 1838 г., отвечая на письмо Ф. Ф. Брандта от 28 августа.[36] Он начинает с сообщения, что убедился в утере одной из отправленных им посылок, но с этим ничего нельзя сделать, так как он не помнит, при каких обстоятельствах отсылал ее. Даль признается, что неправильно («как профан») принимал вложенных в нее птиц за трехпалых куропаток.

Далее он переходит к пожеланию Брандта получить не только хорошо сохранившиеся шкуры, но и скелеты животных, особенно дикой лошади. Даль пишет, что «уже потратил на это много сил, но так как их доставляют сюда издалека, это очень трудно». Зимой, когда кочевники-казахи сидят на одном месте, от их охотников «можно получить только шкуру, а не целого зверя».

Он обещает продолжить поиски, но не очень уверен в успехе. «Нет ли у Вас корреспондентов в Херсоне, Николаеве, Одессе?» — спрашивает он и продолжает: «Там водится, я знаю наверняка, также порода диких лошадей, — я сам видел в Херсоне, — только они не желтые, а совсем мышино-серые и, наверное, другого вида».

В. И. Даль очень старался, чтобы в коллекции Зоологического музея Академии наук была представлена дикая лошадь. Одна шкура кулана поступила от него в 1837 г.,[37] а другая — в 1838 г.[38] В протоколах Академии наук отмечено, что он прислал «шкуру дикой лошади и 14 птичьих шкур» в июне 1838 г.[39] Одно из писем В. И. Даля к сестре П. И. Шлейден свидетельствует о том, что он просил ее мужа найти для музея шкуру дикой лошади из южных степей. Он писал 20 июля 1937 г.: «Если будете писать в Николаев или Одессу, то проси Петра Петровича, чтобы он не забыл, что обещал достать через Леонтия Петровича из Херсонских степей дикую лошадь, т. е. шкуру ее, и отослать академику Брандту в Петербург».[40]

Следующий пункт письма В. И. Даля от 8 октября 1838 г. посвящен предложению Ф. Ф. Брандта «о полном собрании всех видов животных», встречающихся в Оренбургском крае. Упомянув, что доложил об этом губернатору и получил его согласие, он сообщает, что решение этой задачи будет возложено на чучельников Мелихова и Волженцова. Они в сопровождении хорошей охраны отправлены в степь на Нижнеуральскую линию с заданием «отстреливать все, что движется». «Из всего, что будет получено, — пишет Даль, — Вы будете иметь несколько экземпляров, и то, на что Вы особо укажете, попытаемся поймать еще». Он уверен, что черные жаворонки и куропатки, которые содержались в утерянной посылке, «придут в большом количестве».

В ГАОО имеется текст письма, отправленного В. И. Далем 2 августа 1838 г. начальнику крепости, в окрестностях которой должны были работать чучельники. Он писал: «Его превосходительство Василий Алексеевич изволил приказать, чтобы два малолетка Оренбургского казачьего войска, обучившихся при Императорской Академии наук искусству сымать и сохранять шкуры животных, отправлены были на Нижнеуральскую линию для собрания в течение наступившей осени различных пород птиц, собирающихся к Нижней линии во время отлета в большом количестве.

Его превосходительство приказать изволил просить Вас, милостивый государь, оказывать помянутым двум чучельникам всякое от Вас зависящее пособие, поручая их надзору и особенному покровительству ближайшего местного начальства, где случится быть собирателям. Они снабжены ружьями, а частью и дробью, получив первого два, а последнего десять фунтов. Кормовые деньги отпущены им, полагая каждому по полтине в день, на два месяца. Сверх этого выдан им открытый лист для свободного проезда на кордонных лошадях куда надобность потребует. Если сверх всего потребуются какие-либо расходы, то Его превосходительство предоставляет это вполне Вашему, милостивый государь, усмотрению с тем, что расходы эти будут немедленно пополнены по Вашему уведомлению. Сверх этого Его превосходительству угодно, чтобы малолеткам этим придан был, по крайней мере на первое время, казак, умеющий хорошо стрелять, и чтобы ему вменено было в особенную обязанность приучать малолетков к осторожному владению

ружьем, дабы не могло случиться какого-либо несчастья. По истечении двух месяцев или и раньше, по усмотрению Вашему, собиратели должны сюда возвратиться и привезти с собою все собранные шкурки».[41]

Эта подробная инструкция свидетельствует о заботе, которой В. И. Даль старался окружить молодых людей, взятых им под свою опеку.

Дальше в письме от 8 октября к Ф. Ф. Брандту обсуждается чрезвычайно интересовавший академика вопрос о получении для музея редкого экспоната — верблюда, обитателя зауральских степей. В связи с этим В. И. Даль впервые упоминает о слоне, присланном эмиром бухарским в подарок Николаю I и находившемся тогда в Оренбурге. Он пишет: «Относительно верблюда, которого Вы хотите иметь, я долго думал, пока не отыскал один путь. Конечно, приложить печать к делу должно было согласие г-на губернатора. Слон, который прибыл сюда из Бухары, будет следующей весной препровожден в Петербург, и тогда с ним должны отправиться два верблюда, одно- и двугорбый; живые, разумеется, и хорошие субъекты, которых Вы позже можете использовать для набивки чучел или для обмена. Иначе ничего не получится. Новорожденных можно получить только весной, большого из-за его массы трудно транспортировать — если же у Вас будут живые, то я думаю, что Вы сможете предпринять все, что хотите».

«После того как я, таким образом, ответил на все пункты из Вашего письма, — продолжает В. И. Даль, — я должен еще покорнейше просить Вас при случае передать г-ну академику Бэру следующие заметки». Первая касается охоты на тюленей на Каспийском море. Даль сообщает, что она производится круглый год и «в Гурьеве можно поздней осенью получить прекрасных тюленей». Во второй речь идет о черепахах, которые тоже во множестве водятся близ Гурьева.

Завершая письмо, В. И. Даль сообщает Ф. Ф. Брандту о научном творчестве Э. А. Эверсмана, с которым тот, по-видимому, не встречался. Он пишет: «Наконец, я должен упомянуть о чрезвычайно интересном естественнонаучном труде, первая часть которого в переводе с немецкого на русский язык мною сегодня завершена. Наш губернатор побудил профессора Казанского университета Эверсмана написать полную естественную историю Оренбургской губернии. Эверсман проживает в здешней местности и ездит по ней уже в течение 20 лет. Первая часть содержит общее о крае, климате, погоде вместе с геогностическим обзором края. За ней следуют три специальные, где должно быть пояснено и описано все, что принадлежит к трем царствам природы, вместе с латинскими диагнозами. Эверсман имеет в своей коллекции из Оренбургской и соседних областей 110 видов бабочек, жуков 2000 видов, мух и пчел — тоже 2000. Его чучельник постоянно бродит поблизости, но не может справиться только с мышами, виды которых здесь особенно многочисленны, поскольку в спирту они портятся из-за тряски при езде».

На полях В. И. Даль сделал приписку, касающуюся двух чучельников, продолжавших учебу в Зоологическом музее. «Как раз сейчас я получил приказ просить Вас покорнейше, чтобы оба юноши могли научиться делать глаз: по мере возможности, чтобы они умели делать по крайней мере стеклянные глаза».

16 ноября 1838 г. В. И. Даль отправил Ф. Ф. Брандту письмо,[42] в котором сообщил, что собирается в командировку в Петербург и получит возмож-

ность лично засвидетельствовать ему свое почтение. Поэтому он ограничивается самым необычным — известием о трофеях, добытых Мелиховым и Волженцевым во время трехмесячного пребывания в степи близ Гурьева. Это — 50 птичьих шкур, из которых часть будет отправлена в Дерпт. Даль говорит о редкой птице, которая, по его мнению, не совсем соответствует описанию Палласа: «Эту шкуру я должен передать Вам от имени г-на губернатора, который получил этот экземпляр не без труда и только благодаря случаю из отдаленной степи… Брандту предназначается также экземпляр лисы караганки, вероятно, пригодный, хотя и без одной лапы, так как он взят из капкана, и шкура дикой лошади, у которой, по крайней мере, есть голова и ноги».

Даль сообщает, что следующей весной молодые чучельники опять будут отправлены в степь, и замечает, что, если бы один из мальчиков провел год в Ново-Александровске, на северо-восточном берегу Каспийского моря, были бы доставлены в хорошем состоянии такие раритеты, как ярко-рыжая лиса с черными ушами, совершенно непригодный экземпляр которой он недавно получил.

В это время судьба молодых людей определилась окончательно: они официально перешли «в непосредственное ведение» В. И. Даля, который опекал их и раньше. В архивном деле имеется его собственноручная записка, поданная В. А. Перовскому 2 ноября 1838 г.[43]

Он писал: «Оренбургского войска Чернореченской станицы малолетки Павел Волженцов и Иван Мелихов, обучавшиеся при Академии чучельному искусству, состоят доселе еще в распоряжении войскового начальства и, вероятно, вскоре будут перечислены в казаки… Если, по воле Вашего превосходительства, употреблять Волженцова и Мелихова для собирания предметов естественной истории, то желательно, чтобы они уже постоянно находились для этого в распоряжении того, кому угодно будет поручить надзор за этим делом». В резолюции Перовского значится: «Поручить их В. И. Далю и определить им содержание из сумм на улучшения и опыты».

Вскоре, 1 декабря, последовало распоряжение военного губернатора: «Состоящему при мне по особым поручениям г-ну надворному советнику Далю. Обучавшихся в С.-Петербурге у академика Брандта чучельному искусству Оренбургского казачьего войска Павла Волженцова и Ивана Мелихова, поручая в непосредственное ведение Вашего высокоблагородия, извещаю, что им от 1-го сего декабря будут производимы жалование по 5 руб. ассигнациями в месяц каждому и указная дача провианта от Оренбургской полевой провиантской комиссии, которой вместе с сим дано о том предписание».[44] Предусматривалось «поместить их так, чтобы не затрудняться в самом за ними надзоре».

В архивном деле с этих пор постоянно встречаются подписанные Далем отношения, в которых идет речь о необходимости выделить средства для занятия чучельников работой, для ремонта и отопления рабочей комнаты и для других нужд музея.

Зимой 1838/39 г. В. И. Даль вновь сопровождал В. А. Перовского в командировку в Петербург. В это время произошло очень важное для него событие: 21 декабря Петербургская Академия наук избрала его своим членом-корреспондентом по естественному отделению и тем самым официально

причислила его ученым-натуралистам, внесшим значительный вклад в развитие русской науки.

Из академических протоколов[45] видно, что в этот день происходили выборы по Физико-математическому отделению, Отделению естественных наук и Отделению истории, филологии и наук политических. По каждому из них баллотировались как отечественные, так и зарубежные ученые. По Отделению естественных наук академики Я. И. Шмидт, Ф. Ф. Брандт и К. М. Бэр выдвинули кандидатуру «г-на доктора Даля из Оренбурга». Кроме него в список для голосования были внесены иностранцы — Валентен из Бреслау и Гарлан из Нью-Йорка. В голосовании участвовали 23 академика. В результате наибольшее число голосов (21) получил Даль. Избранными были объявлены он и Гарлан, за которого было подано 18 голосов. По Физико-математическому отделению в члены-корреспонденты прошел известный математик Б. С. Якоби.

21 марта 1839 г. непременный секретарь Академии наук П. Н. Фусс отправил В. И. Далю следующее письмо:

«Милостивый государь Владимир Иванович, Императорская Академия наук в изъявление уважения своего к заслугам Вашим в публичном заседании своем, бывшим по случаю празднования 112-го года ее учреждения, избрала Вас в число своих членов-корреспондентов. Вследствие чего, препровождая у сего диплом на сие звание, покорнейше прошу Вас, милостивый государь, принять вместе с тем уверение личного моего к Вам почтения, с каковым честь имею быть Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою

Павел Фус».[46]

Рукой Даля на письме отмечено: «Получил 15 сентября. Ответил 24 сентября».

Весной 1839 г. закончился срок обучения двух оставшихся в Петербурге чучельников — Андрея Скорнякова и Степана Лысова. В Оренбурге их ожидали с нетерпением. 25 мая В. И. Даль известил В. А. Перовского запиской,[47] что академику Брандту послана просьба отправить их поскорее домой, а также деньги на дорогу.

В этом письме, датированном 25 мая,[48] В. И. Даль выражает Ф. Ф. Брандту и Е. И. Шрадеру от имени военного губернатора благодарность за взятую ими на себя заботу об учениках и просит организовать их отъезд. Он пишет, что деньги — прогонные на две лошади, столовые и т. д. — передаются, а относительно необходимых документов (подорожной) распорядится столичный генерал-губернатор, которому об этом «отсюда уже написано, и поэтому мальчики могут сами обратиться в его канцелярию». «Поскольку сейчас в течение лета, — продолжает Даль, — многие экспедиционные партии отправляются в степь, было бы желательно, чтобы мальчики были здесь как можно скорее, чтобы не упустить возможности для собирания». Особая просьба — снабдить их достаточным запасом стеклянных глаз для чучел.

Далее В. И. Даль сообщает Ф. Ф. Брандту об интенсивной научной работе, которую проводит прибывший в Оренбург молодой дерптский ученый Александр Леман. Он приехал по приглашению В. А. Перовского, предложившего ему заняться естественнонаучным описанием Южного Урала и устройством краеведческого музея.[49] Даль, который в свои студенческие годы в Дерпте знал Лемана еще мальчиком, получил в его лице сотрудника и квалифици-

рованного консультанта. По словам Даля, Леман за короткое время успел собрать много интересного материала. Например, он нашел, что местный рак относится к еще не описанному виду. С этим согласен профессор Эверсман, который «совершает научное путешествие по горам» и по пути остановился в Оренбурге.

Самое важное для Ф. Ф. Брандта в этом письме В. И. Даля — сообщение о том, что давно обещанный ему верблюд уже находится на пути в Петербург. «Верблюд, — пишет Даль, — как раз сегодня отправился к Вам вместе со слоном. Только сразу при выходе животное проявило такую обстоятельность, что не знаю, как оно дойдет. Оно не хотело разлучаться со своими товарищами и так упрямилось, что было отправлено только силой. И слон идет слишком быстро; лошадям приходится следовать за ним рысью, а это на долгое время для горбатого бегуна несколько затруднительно».

В этот же день было и другое письмо,[50] посланное с людьми, сопровождающими слона: «Его высокородию, г-ну академику Ф. Ф. Брандту.

Согласно обещанию Его благородия, г-на оренбургского губернатора, при сем следует одногорбый верблюд, называемый здесь наром. Так как животное будет находиться в пути несколько месяцев, я оставляю за собой доставить Вам другие свои сообщения в скором времени почтой, а сейчас имею честь оставаться с совершенным почтением Вашего благородия покорным слугой

В. Даль.

1839, 28 мая. Оренбург».

О важности этого события для Зоологического музея свидетельствует следующая выписка из протокола заседания Петербургской Академии наук 27 сентября 1839 г.: «Г-н академик Брандт донес, что он нашел случай купить живого верблюда и тем более почел долгом своим воспользоваться этим, что, занимаясь ныне анатомией ламы, ожидает от сличения внутреннего строения обеих пород любопытных результатов».[51]

В газете «Санкт-Петербургские ведомости» за 13 октября 1839 г. сообщалось: «Слон, назначенный в подарок Его Императорскому величеству от Бухарского хана и высланный по распоряжению Оренбургского военного губернатора 25 мая сего года, приведен в Санкт-Петербургскую губернию с 4-го на 5-е октября и имел ночлег в яме Тосне». О его спутнике, одногорбом верблюде, не говорится ничего, так что не ясно, добрался он до столицы живым или нет.

Зато в выписке из протокола заседания Академии наук 11 октября читаем: «Г-н академик Брандт донес конференции, что Зоологический музей приобрел от г. доктора Даля из Оренбурга два живых образца двугорбого верблюда. Он полагает, что Академия столь важным приобретением обязана г. Оренбургскому военному губернатору, который, посетив Музей в прошлом году, заметил в нем недостаток этой породы зверей».[52]

Можно думать, что одногорбый верблюд до Петербурга не дошел, и поэтому вслед за ним были отправлены два двугорбых. В следующем письме, написанном 26 августа,[53] Даль спрашивает Брандта: «Надеюсь, верблюды уже прибыли к Вам?».

В этом письме Даль сообщает, что вернулся в Оренбург только 8 дней назад. Лето он провел на «кочевке» Перовского и поэтому не ответил сразу на письмо Брандта от 17 июня и не сообщил о благополучном возвращении

Скорнякова и Лысова. «Через несколько дней после приезда, — пишет он, — они выполнили пробную работу: набить несколько синиц и жаворонка, которые удались к совершенному удовлетворению губернатора».

Эти молодые люди сразу же поступили в распоряжение В. И. Даля. Он писал военному губернатору 10 сентября: «Прибывшие из Санкт-Петербурга казачьи малолетки Скорняков и Лысов по словесному приказанию Вашего превосходительства должны быть зачислены в казаки и прикомандированы ко мне для занятий по музею. Не угодно ли будет положить им при этом жалованья по десяти рублей в месяц и казенное довольствие пайком, а при разъездах — по 25 коп. кормовых на день и прогоны, как это уже определено было для казаков Мелихова и Волженцева».[54]

От своих подопечных В. И. Даль требовал аккуратности и добросовестного отношения к работе. Он пишет академику, что задал нынче изрядную выволочку Мелихову и Волженцеву за то, что работают небрежно и что «последние набитые ими чучела совсем не годятся». Один из них, находившийся в экспедиции четыре месяца, «не привез почти ничего полезного». Впрочем, замечает в его оправдание Даль, «дело обстоит не так легко, как можно думать: там, куда мальчиков посылали, как раз в это время ничего интересного не нашлось, тогда как в других местах, где сейчас нет никого для изготовления чучел, кое-что встретилось».

Интересными находками Даль собирается поделиться с Брандтом. Он пишет: «Вы должны получить по первой зимней дороге, когда вещи смогут вынести тряску, 10 штук достаточно хороших сайгаков и несколько дубликатов птичьих шкур, потому что с этих пор я буду посылать под номером только дубликаты и просить Вас покорно доставить мне при случае название, чтобы мы здесь на [экземпляр] смогли выставить и снабдить этикеткой».

Из письма Даля видно, что он сам не прекращал увлеченно заниматься составлением естественнонаучных коллекций. «Этим летом, — пишет он, — я собрал свыше трех полных ящиков насекомых, из которых половина должна попасть к Вам, хотя не думаю, что там есть много интересного. Леман хотел посмотреть их и определить, стоят ли они того, чтобы посылать их Вам».

В это время началась усиленная подготовка к военному походу против Хивы, намечавшемуся на позднюю осень. В. И. Даль собирался участвовать в нем и надеялся сделать по пути ценные естественнонаучные наблюдения, а также пополнить свои коллекции. Он пишет Брандту: «Так как я приму участие в экспозиции, а именно отправлюсь отсюда уже по первому снегу и вернусь весной, то имею надежду привезти нечто интересное, поскольку намереваюсь много собирать».

Хивинский поход начался 14 ноября 1839 г. и проходил в труднейших условиях. Зима в тот год выдалась необычно суровая и снежная, что не только затрудняло продвижение отряда, но и вызывало массовую гибель верблюдов — основного транспортного средства для перевозки провианта и военного снаряжения. Поэтому достигнуть Хивы не удалось. Перезимовав на Эмбе, отряд весной возвратился в Оренбург. Поскольку из-за мороза и болезней он понес большие потери, этот поход оценивается как неудачный. Но его цель была достигнута: хивинский хан освободил всех русских подданных, которые были похищены и проданы в рабство в Хиву, и обязался прекратить враждебные действия против России.

В. И. Даль, участвовавший в походе с начала до конца, объяснил его цели и результаты, а также подробно описал все связанные с ним обстоятельства в статье «Военное предприятие противу Хивы».[55] Кроме того, в конце жизни он опубликовал свои «Письма к друзьям из похода на Хиву»,[56] представляющие собой яркий образец художественной прозы. В них рассказано, в частности, о большой исследовательской работе, которая была проведена в это время им и его товарищами.

Отмена уже подготовленной научной экспедиции к Аральскому морю вызвала большое разочарование в ученых кругах, так как географы, геологи, зоологи, ботаники, востоковеды понимали, что при непосредственном знакомстве с неизвестным регионом можно получить неоценимые по новизне и важности данные. В. А. Перовский старался, насколько возможно, восполнить нанесенный науке ущерб и всячески поощрял усилия участвовавших в походе востоковеда Н. В. Ханыкова, известных путешественников П. А. Чихачева и Е. П. Ковалевского, астронома-геодезиста И. О. Васильева, которые по пути проводили научные наблюдения и получали ценные данные об этом регионе.

Специально с целью изучения природы степей в отряд был включен А. Леман. С ним сотрудничал В. И. Даль, который наряду с выполнением своих основных обязанностей опекал молодых чучельников, также участвовавших в походе. Несмотря на трудности, им удалось собрать много новых материалов для музея. Было ли что-нибудь из них послано Ф. Ф. Брандту, сказать трудно, так как больше писем Даля к нему из Оренбурга не сохранилось. Отношения между ними, однако, не прекратились.

После Хивинского похода Даль в течение года продолжал вместе с Леманом заниматься «Музеумом естественных произведений», но затем обстоятельства резко изменились. В мае 1841 г. Леман отправился в Бухару в составе геологической экспедиции под командованием горного инженера К. Ф. Бутенева. А летом того же года Даль навсегда покинул Оренбург, получив в столице ответственную должность при департаменте уделов. Свои обязанности по руководству устройством музея он передал М. Ф. Зелёнке, католическому священнику Отдельного Оренбургского корпуса.

В Петербурге В. И. Даль поддерживал тесную связь с Академией наук, в частности продолжал оказывать помощь Ф. Ф. Брандту в пополнении коллекций Зоологического музея. Так, в 1844 г. при его содействии в музей был доставлен «живой курдючный баран из киргизских степей».[57]

Когда в 1849 г. В. И. Даль переехал в Нижний Новгород, его связывали с Ф. Ф. Брандтом помимо научных теплые дружеские отношения. Об этом свидетельствуют его письма к академику, написанные в 1849, 1852 и 1853 гг.[58]

[1] *Грот Я. К.* Воспоминания о В. И. Дале и П. П. Пекарском. СПб.: Типография Имп. АН, 1873. С. 41.

[2] *Матвиевская Г. П., Зубова И. К.* Владимир Иванович Даль. М.: Наука, 2002.

[3] РНБ, рук. отдел. Ф. 571, № 13, л. 9.

[4] Библиографический словарь отечественных тюркологов / Под ред. А. Н. Кононова. М.: Наука, 1989.

[5] *Емельченко И. Р.* В. И. Даль и восточные языки // Тюркизмы в восточно-славянских языках. М.: Наука, 1974. С. 164—196.

[6] ПФА РАН, ф. 1, оп. 1-а, № 58, л. 129.

[7] Неизвестный Владимир Иванович Даль. Оренбургский край в очерках и научных трудах писателя / Сост. А. Г. Прокофьева, Г. П. Матвиевская, В. Ю. Прокофьева, И. К. Зубова. Оренбург, 2002. С. 209—223.

[8] *Матвиевская Г. П., Зубова И. К.* Владимир Иванович Даль. М.: Наука, 2002. С. 127—138.

[9] *Бэр К.* Письма к В. И. Далю по поводу Хивинской экспедиции // Из эпистолярного наследия К. М. Бэра в архивах Европы / Сост., автор вступ. статьи, коммент. и переводов Т. А. Лукина. Л.: Наука, 1978. С. 30—36.

[10] *Эверсман Э. А.* Естественная история Оренбургского края. Часть 1. Вступление в подробную естественную историю Оренбургской губернии, или общий взгляд на край Оренбургский, в отношении к произведениям природы. Оренбург, 1840.

[11] *Мельников-Печерский П. И.* Владимир Иванович Даль: критико-биографический очерк // Владимир Даль (казак Луганский). Сочинения. М., 1995. Т. 1. С. XVII—LXXXII.

[12] *Даль В. И.* Зверинец // Лит. газета. 1844. № 3, 4, 9, 16, 18, 23, 50.

[13] *Хартанович М. Ф.* Ученое сословие России. Императорская Академия наук второй четверти XIX в. М.: Наука, 1999. С. 99—100.

[14] *Штраух А. А.* Академик Федор Федорович Брандт, основатель и первый директор Зоологического музея // Зоологический музей ИАН. Пятидесятилетие его существования. СПб., 1889. С. 5—28. См. также: История Академии наук СССР. Т. II. М.; Л.: Наука, 1964. С. 149—160. *Наумов Д. В.* Зоологический музей АН СССР. Краткая история и описание экспозиции. Л.: Наука, 1980.

[15] ГАОО, ф. 6, оп. 10, № 3876 (О приобретении Академией наук некоторых предметов зоологии), л. 4, 5.

[16] *Матвиевская Г. П.* Первый музей Оренбурга // Оренбургский край. Архивные документы, материалы, исследования. Вып. 1. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2001. С. 7—36. См. также: *Матвиевская Г. П., Зубова И. К.* Владимир Иванович Даль. М.: Наука, 2002. С. 108—126.

[17] ГАОО, ф. 6, оп. 10, № 4623.

[18] Там же. Л. 2—2 об.

[19] ПФА РАН, ф. 51, оп. 3, № 7, л. 32—33 об.

[20] ГАОО, ф. 6, оп. 10, № 4623, л. 2—2 об.

[21] Там же. Л. 3.

[22] ПФА РАН, ф. 51, оп. 3, № 7, л. 16—17.

[23] *Столпянский П. Н.* Эпизод из жизни В. И. Даля // Рус. старина. 1903. Т. 115, № 79. С. 71—73.

[24] *Модестов Н. Н.* Владимир Иванович Даль в Оренбурге / Тр. Оренб. ученой архивной комиссии. Вып. 27. Оренбург, 1913. С. 41, 51, 72.

[25] ПФА РАН, ф. 51, оп. 3, № 7, л. 67—68 об.

[26] Там же. Л. 39.

[27] ИРЛИ, рук. отд., 27286/CXCVIб.

[28] ПФА РАН, ф. 51, оп. 3, № 7, л. 79—80 об.

[29] ПФА РАН, ф. 51, оп. 3, № 8, л. 31—31 об.

[30] Там же. Л. 81.

[31] Там же. Л. 75—76 об.

[32] Там же. Л. 32—32 об.

[33] ПФА РАН, ф. 2, оп. 1838, № 11, л. 26.

[34] ПФА РАН, ф. 51, оп. 3, № 8, л. 77—78 об.

[35] Там же. Л. 33—33 об.

[36] Там же. Л. 83—85.

[37] *Штраух А. А.* Зоологический музей Императорской Академии наук. СПб., 1889. С. 74.

[38] Там же. С. 76.

[39] ПФА РАН, ф. 1, оп. 1а. 1838.

[40] ИРЛИ, рук. отд., 27416/CXCV. 10. См.: *Матвиевская Г. П., Зубова И. К.* «Твой верный брат В. Даль…» (Письма В. И. Даля к сестре П. И. Шлейден, из Оренбурга) // Альманах «Гостиный двор». 2001. № 12. С. 117—140.

[41] ГАОО, ф. 6, оп. 10, № 4623, л. 27—28.

[42] ПФА РАН, ф. 51, оп. 3, № 8, л. 85—86 об.

[43] ГАОО, ф. 6, оп. 10, № 4623, л. 22.

[44] Там же. Л. 25—25 об.

[45] ПФА РАН, ф. 1, оп. 1-а-1838, л. 126—127, 129.

[46] ИРЛИ, рук. отд., 27438/CXCVIб 13.

[47] ГАОО, ф. 6, оп. 10, № 4623, л. 35.

[48] ПФА РАН, ф. 51, оп. 3, № 8, л. 73—74 об.

[49] *Матвиевская Г. П.* А. Леман — исследователь Оренбургского края // Немцы в России. Российско-немецкий диалог. СПб., 2001. С. 442—449.

[50] ПФА РАН, ф. 51, оп. 3, № 9, л. 54.

[51] Журнал Министерства народного просвещения. 1839. Ч. XXIV, № 10—12, отд. III. С. 9.

[52] Там же. С. 70.

[53] ПФА РАН, ф. 51, оп. 3, № 9, л. 56—57 об.

[54] ГАОО, ф. 6, оп. 10, № 4623, л. 39.

[55] *Даль В. И.* Военное предприятие противу Хивы // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1860. № 1. Отд. II. С. 147—166.

[56] *Даль В. И.* Письма к друзьям из похода на Хиву // Рус. архив. 1867. № 3.

[57] *Штраух А. А.* Зоологический музей Императорской Академии наук. СПб., 1889. С. 81.

[58] ПФА РАН, ф. 51, оп. 2, № 14; оп. 3, № 22, 23, л. 129.

Содержание

Предисловие 5

Вклад Академии наук в развитие образования

Академия наук и создание учебной литературы в XVIII в. (*Г. И. Смагина*) 11

Академия наук и зарождение университетского образования в России (*Г. И. Смагина*) 39

Академик С. Я. Румовский и Казанский университет: историографический контекст (*Т. В. Костина*) 81

Академические ученые в роли государственных чиновников (на примере попечителей учебных округов) (*И. В. Черказьянова*) 102

Почетный член Академии наук К. П. Яновский — просветитель и организатор народного образования на Кавказе (*И. В. Черказьянова*) 135

Академик Н. Я. Сонин и развитие математического образования в России (*И. В. Черказьянова*) 154

Академики-ботаники и развитие образования в России во второй половине XIX—начале XX в. (*К. В. Манойленко*) 175

Академия наук и сохранение культурно-исторического наследия

Библиотека Академии наук — книжная палата РАН (начальный этап, XVIII в.) (*В. П. Леонов, О. В. Скворцова, Н. М. Баженова*) 191

Музей истории религии: академический период (*Т. В. Чумакова*) 206

Изучение истории Академии наук во второй половине XIX в. (*Т. В. Чумакова*) . 247

Императорская Археографическая комиссия и сеть археографических учреждений в России XIX в. (*М. Ф. Хартанович*) 268

Награды графа Уварова в Императорской Академии наук (*М. Ф. Хартанович*) . 312

Переписка В. И. Даля с академиком Ф. Ф. Брандтом (*Г. П. Матвиевская*) 335

О первом издании труда академика В. Я. Струве «Arc du meridien de 25° 20′ entre le Danube et la Mer Glaciale» (*В. Б. Капцог*) 357

Участие Академии наук в сохранении памятников истории и культуры (*В. С. Соболев*) 370

Из истории византиноведения 1920-х годов: Русско-византийская историко-словарная комиссия РАН (1918—1930) (*О. А. Барынина*) 391
Вклад русских путешественников в сокровищницу академических музеев: П. К. Козлов (*Т. И. Юсупова*) 404
Российская Академия наук, «малороссийская» культура и украинская интеллектуальная традиция (XIX—начало XX в.) (*А. Н. Дмитриев*) 423
Вклад Библиотеки Российской Академии наук в формирование отечественных и зарубежных библиотек (*Н. В. Колпакова, Н. М. Баженова*) 452
«Отображение бытия». Г. А. Князев — директор Архива АН СССР (*Н. П. Копанева*) 468
Роль Санкт-Петербургского научного центра в сохранении культурно-исторического наследия (*Е. А. Иванова, Ю. А. Петросян*) 478

Академия наук на службе науки и культуры России

Развитие художественного отделения Петербургской Академии наук в первой половине XVIII в. (*Е. С. Стецкевич*) 509
Императорская Академия наук и научные общества в XIX в. (*М. Ф. Хартанович*) 529
Русское географическое общество и Академия наук в XIX в. (*Н. Г. Сухова*) . . . 560
Академики РАН в развитии российской социологии в начале XX в. (*Т. Б. Иванова*) 614
Академия наук и краеведческое движение первой четверти XX в. (*М. В. Лоскутова*) 645

Список сокращений 678

Именной указатель 680

Сведения об авторах 704